

Э тот младенец родился однажды ночью, когда взошла красная луна, что было верным признаком ужасных бедствий, которым предстояло опустошить Земли Энды. Мать ощутила боль приближающихся родов, когда дневной свет начал меркнуть, и на потемневшем небе появился красный лик богини ночи. Охваченная ужасом женщина покинула селение и укрылась в ближайшем от Орбы лесу, чтобы дать жизнь своему ребенку под склонившимися к земле ветвями бука. Там на ковре из опавших листьев священного дерева, под крики ночных птиц и шорохи леса, в красных лучах ночного светила родилась Эндара. Ее темные глаза цвета ночи были открыты, и она взглянула на мать в тот самый момент, когда глаза той закрывались навеки, хотя у женщины хватило сил поднести дочь к груди и накормить ее собственной жизнью.

Ее супруг и отец девочки нашел их на следующее утро. Решив, что обе умерли, он воздел к небу руки со сжатыми кулаками и стиснул зубы, сдерживая крик отчаяния. Он понял, что его дочь жива, когда поднял тела, чтобы отнести их в селение. Девочка посмотрела на него огромными черными глазами, и мужчина ощутил, как по спине ползет холодок. Это дитя было не таким, как все остальные, в этом не было никаких сомнений. Оно не плакало, у него была невероятно белая кожа и черные волосы, а не пушок, как у всех новорожденных. Но от чего у него перехватило дыхание, так это от ее темного взгляда. У мужчины возникло ощущение, что дочь не просто на него смотрит, но на самом деле его видит. Тело женщины сожгли этой же ночью, при свете луны. Молитвы

и песнопения взметнулись к ночному небу. Погребальный костер сложили у пещеры, где затем захоронили прах, предоставляя усопшей возможность возродиться из чрева могущественной Богини, матери всего живого, всех людей, животных и растений, а также солнца и луны, матери морей и гор, плодovitого чрева, природы, жизни. Эндару передали кормилице, а ее отец соединился с другой женщиной, родил других детей и позабыл, что у него есть еще одна дочь.

С тех пор миновало пятнадцать зим, и девочка превратилась в девушку, которую обитатели селения боялись, поглядывая на нее с опаской, хотя она ни словом, ни делом не отличалась от своих сверстниц. Но все помнили ночь, когда она пришла в мир, и кроваво-красную луну, и смерть ее матери, и ее темный взгляд. Все это ясно указывало на то, что она отличается от остальных. Время от времени в пересудах местных сплетниц звучало слово «ведьма», хотя никто не осмелился бы произнести это обвинение вслух, поскольку оно вполне могло оказаться правдой. Девочка выросла в полном одиночестве — без друзей, без ласки, без любви. Она спала в общественном хлеву в компании коз, питаясь их молоком, а также каштанами, плодами лесных деревьев или яблоками, которые ей время от времени кто-нибудь бросал, как изголовавшейся собаке. Она одевалась в ветхие туники, уже не нужные их прежним хозяевам, отчего выглядела, как нищенка. Тем не менее никто в селении не мог припомнить девушку такой красоты, повергавшей в изумление всех, кто ее видел. Несмотря на то, что она целыми днями находилась на открытом воздухе, ее кожа оставалась белой, как свежесвыпавший снег, являя удивительный контраст с длинными и черными, как вороново крыло, волосами. Но больше всего поражали ее глаза, осколки ночи, с их бездонным взглядом. Чтобы утешиться в своем одиночестве, девушка часто уходила в лес, колыбель ее рождения, и танцевала вокруг бука, укрывшего ее с матерью своими ветвями. Музыка в ее ушах звучала только для нее, она кружилась и взмахивала руками в такт несуществующим звукам и только в эти мгновения бывала счастлива. Привыкшие к ее присутствию лесные звери, услышав шорох ее ног по опавшей листве, подходили к дереву и замирали, наблюдая за ее танцем и позволяя себя гладить. Возможно, потому, что от отвергнутых людей развиваются неведомые остальным органы

чувств, Эндара научилась понимать животных без слов, только по их взглядам, по движениям их ушей и мордочек, по топоту их лап и ног. В свою очередь, они тоже начали ее узнавать и знали, когда она счастлива, а когда, напротив, чувствует себя самой обездоленной из живущих на земле людей.

Однажды ночью, когда она, как обычно, спала в хлеву с козами, вошел один из жителей селения и, не говоря ни слова, набросился на нее, намереваясь изнасиловать. Девушка в испуге проснулась, но он крепко прижал ее руки к земле, и она не могла даже шелохнуться.

— Помогите! — закричала она.

Козы, казалось, поняли ее мольбу и начали блеять, а вожак стада бросился на пришельца, вонзил в него длинные острые рога и вынудил спасаться бегством. Вскоре перед хлевом собрались все жители селения, и несостоявшийся насильник принялся объяснять им, что пришел, чтобы подоить одну из коз, но «ведьма» приказала козлу на него напасть. Девушка в изумлении слушала заявления мужчины и, что хуже всего, видела, что соседи ему верят и в случившемся обвиняют не его, а ее. Отыскав глазами в толпе отца, она не нашла поддержки в его холодном взгляде. Не увидела она ее и на лицах брата и сестры, а также выкормившей ее женщины. Поэтому она решила покинуть место, где родилась и выросла. И тут произошло нечто удивительное. Козел зашагал впереди нее, а все остальное стадо окружило ее со всех сторон, подобно воинам, охраняющим свою повелительницу. Таким образом они вышли из хлева, повергнув в изумление всех жителей селения. Они в ужасе смотрели на девушку и ее сопровождающих и расступались, позволяя им пройти. Доведя Эндару до леса, животные вернулись в хлев. Эту ночь она спала под ветвями бука, свидетеля ее рождения, с тем чтобы на рассвете отправиться на север в поисках места, где она могла бы спокойно жить, не опасаясь несправедливых обвинений и нападков.

Однако не успели первые лучи солнца проникнуть сквозь густую листву и озарить влажную от росы траву под деревьями, как дикие крики нарушили лесную тишину. Девушка вскинулась в уверенности, что это всего лишь отголоски кошмарного сновидения, но потом решила, что слышит крики жителей селения, которые пришли с намерением ее убить, и свернулась клубочком

в ожидании первого удара. Однако удара не последовало, а вопли становились все громче и тревожнее. Уловив запах пожара, она открыла глаза. Ее окружал густой дым, мимо пронеслось стадо испуганных оленей. Преодолев желание броситься за ними, Эндара вскарабкалась на ветви дерева, чтобы узнать, что происходит. Несмотря на то, что она взобралась довольно высоко, ей не удавалось разглядеть почти ничего, кроме огня над крышами хижин селения и столба дыма, вздымавшегося к низким дождевым тучам. Возгорания в деревне случались довольно часто, поскольку ветер разносил искры от очагов, заставляя вспыхивать соломенные кровли. Но в этом случае речь шла о чем-то большем, что ей никак не удавалось разглядеть. К крикам ужаса примешивались свирепые вопли, от которых в жилах стыла кровь. Спустя некоторое время земля вокруг загудела, и она в испуге обняла изогнутую ветку, прижавшись к ней всем телом и приняв ее форму. Лишь самый пристальный взгляд смог бы теперь отыскать ее в кроне дерева. Через лес проскакала большая группа всадников. Эндара не смогла разглядеть их лиц, скрытых под железными шлемами, зато отлично увидела окровавленные топоры и мечи, которыми они размахивали над головой. Она также услышала их победоносный клич, хотя не понимала слов, произносимых на незнакомом языке. Эндара дрожала всем телом и, чтобы не свалиться с дерева, была вынуждена изо всех сил вцепиться в ветку. Она еще долго лежала без движения, пока не убедилась, что в лесу воцарился полный покой. Подняв голову, она посмотрела в сторону селения. Огня уже почти не было видно, но над крышами по-прежнему клубился густой дым. Оттуда не доносилось ни звука, и эта тишина казалась еще более пугающей, чем крики отчаяния, которые она совсем недавно слушала со сжимающимся от тревоги сердцем. Эндаре трудно было на это отважиться, но в конце концов она спустилась с дерева и едва ли не ползком подобралась к селению, крадучись и прячась за кустами, чтобы ни на кого не наткнуться.

Вначале она увидела одного человека, затем второго, третьего... Мужчины, женщины и дети — все лежали мертвыми на земле, залитой их кровью. Матери сжимали в объятиях младенцев, головы детей были отрублены, женщины лежали с задранными юбками, раскинув окровавленные ноги, мужчины — с проломленными

черепами, в глазах обезглавленных стариков застыло удивление перед лицом смерти. Тело ее отца с отрубленными руками и ногами раскачивалось на веревке. Рядом истекла кровью ее сестра. Брату разрубили лицо. Темные глаза Эндары превратились в горящие угли при виде крови близких. Потому что это все равно была ее семья, ее народ, ее клан, хотя они не любили ее и с самого начала оттолкнули от себя. Она не плакала, потому что с раннего возраста научилась сдерживать свои чувства, но поклялась, что никогда не забудет этого ужасного зрелища. Из сердца лежащего рядом юноши она выдернула нож, вытерев его полкой своей поношенной туники. Она понимала, что оставаться здесь дольше неразумно. Убийцы могли вернуться, и тогда они сделали бы с ней то же самое, что и с ее семьей и остальными жителями селения. Она взяла с собой несколько буханок хлеба из каштановой муки, которые нашла в общественной печи, шерстяной плащ и, не оглядываясь назад, снова побрела по дороге в лес. Дойдя до своего бука, она услышала позади какой-то шум и сжала рукоять ножа. Но тут же уловила резкий запах, перепутать который было невозможно ни с чем, и среди кустов показался козел-вожак, накануне защитивший ее от насильника. Они переглянулись и сразу же поняли друг друга. Девушка вспомнила, что видела в селении также и обезглавленных животных. И она, и вожак теперь были одиноки и продолжили свой путь вместе.

Они шли по лесам, которым, казалось, не будет конца. Эндару это не пугало, хотя она впервые оказалась в совершенно незнакомых местах. Ее утешало постоянное присутствие вожака козьего стада, не позволявшего приблизиться к ним ни медведям, ни диким кабанам. Они утоляли жажду прозрачной водой источников и лесных ручьев, а порой животное останавливалось перед каким-нибудь деревом или кустом, и она всякий раз находила там что-нибудь съедобное — ежевику, лесные орехи, фиги или шелковицу. Ее проводник, впрочем, ни к чему не прикасался. Для ночлега они отыскивали бук, ясень или дуб, и девушка спала под бдительным присмотром своего спутника, убаюкиваемая шорохом листьев, хлопаньем крыльев ночных птиц и уханьем сов. Она помнила о том, что случилось с ее кланом, но все отчетливее понимала, что отец и все остальные были правы, считая ее не такой, как все. Прошло всего несколько дней после ужасного конца родных, а ей

уже казалось, что это произошло очень давно в каких-то далеких краях, как будто все это ей приснилось, или, вместо того чтобы увидеть эти события своими собственными глазами, она услышала чей-то страшный рассказ. Она была дочерью леса — в нем она родилась, в нем спасалась от всех бед, и через лес она сейчас шла, не чувствуя себя в нем чужой. Она подняла глаза к сплетающимся над ее головой и едва позволяющим различить небо ветвям деревьев, но тут же споткнулась и упала, подвернув лодыжку. Теперь она не могла идти и грустно посмотрела на сопровождающего ее вожака. Козел кивнул головой, не то приветствуя ее, не то прощаясь, и ушел. Эндара провожала его взглядом, пока он не скрылся в густых зарослях, удивленная этим внезапным исчезновением, но не стала его ни в чем упрекать. В конце концов, таков был закон природы — выживали только сильнейшие, к каковым она не относилась. Она подползла к ручью, вдоль русла которого они шли с самого начала похода, опустила в него пострадавшую ногу и посмотрела на свое отражение в воде, чье спокойное течение в этот миг как будто замерло. Она не узнала девушку, уверенно и в то же время дружелюбно взглянувшую на нее из ручья. Казалось, та зовет ее с обратной стороны этой зеркальной поверхности. Топот копыт скачущей галопом лошади прервал ее восхищенное созерцание. Эндара ощутила, как тело покрывается гусиной кожей. Это снова были они, убийцы ее народа! И на этот раз она не могла взобраться на священное дерево. Она сжала рукоять ножа, который носила за веревкой, служившей поясом, собираясь вонзить его во врага или хотя бы убить себя, прежде чем окажется в его власти. Одновременно она прижалась к земле и попыталась спрятаться под листьями огромного папоротника, росшего на берегу ручья. Стук копыт неумолимо приближался, и девушка закрыла глаза. Она ощутила, как животное, шумно дыша, остановилось рядом с ней, и замерла, ожидая нападения всадника. Спустя какое-то время, не услышав ни голоса, ни каких-либо иных звуков, Эндара отважилась приоткрыть глаза. К своему немалому удивлению она убедилась, что рядом действительно никого нет, не считая прекрасной белой кобылы. Такой необыкновенной лошади она не видела еще никогда в жизни. Лошади из ее селения были низкорослыми и сильными. Они предназначались для пахотных работ, а в случае необходимости были хороши и в бою. Но у этой

лошади были длинные ноги и прекрасная, развевающаяся на ветру грива. Еще сильнее девушка удивилась, когда лошадь опустилась на колени, как будто приглашая ее сесть к себе на спину. Она протянула руку и робко погладила ее по холке. Кобыла ответила на ласку, осторожно ткнувшись головой в ее ладонь. Вскоре Эндара уже скакала верхом. Ее длинные волосы развевались на ветру, а листья деревьев скользили по щекам. Она чувствовала себя одним целым с животным, на спине которого сидела, и от переполняющих душу чувств из ее груди вырвался смех, эхом разносшийся по всем закоулкам леса. Эндара смеялась впервые в жизни, и звук собственного смеха, казалось, освободил ее от какой-то повинности.

Уже наступила ночь, когда животное замедлило стремительный бег и опустилось на колени, позволяя ей спешиться, после чего исчезло в темноте, оставив девушку одну в совершенно незнакомом месте. Эндара решила не рисковать и до утра не пытаться никуда идти, рассудив, что если белая кобыла ее сюда привезла, значит, тому есть какие-то причины. Она свернулась калачиком и, укрывшись шерстяным плащом, уснула. Проснувшись она только поздним утром и от удивления раскрыла рот — даже в самых фантастических мечтах она не смогла бы вообразить ничего подобного. Первое, что пришло Эндаре в голову, — это то, что она умерла. Она слышала о каком-то удивительном месте от стариков селения. Сидя вокруг костра, они рассказывали друг другу разные истории, а она, затаив дыхание, слушала их из своего хлева, но не решалась подойти ближе из опасения, что при виде нее они умолкнут. Они говорили о жизни после смерти и о чудесной местности, куда отправляются духи, прежде чем возродиться из чрева Богини. Это не могло быть ничем иным. Она находилась в окружении гор, покрытых буйной растительностью и вмещающих источник жизни, водопад слез, стекающих в заводь с прозрачной водой, которая отливала то зеленью, то синевой. При виде этого драгоценного камня, вставленного в оправу Земель Энды, у девушки перехватило дыхание. Здесь росли все до единого деревья и кустарники, почитаемые ее народом: дубы, буки, ясени, вязы, рябины, ивы и боярышник. Не вызывало сомнений, что она оказалась в священном месте. Немного придя в себя, она, не колеблясь больше ни секунды, сбросила тунику и погрузилась в заводь.

Ощущение мира и гармонии, охватившее ее душу от соприкосновения обнаженного тела с ледяной водой, было столь всеобъемлющим, что она не ощутила холода. Более того, это омоложение стало бальзамом, мгновенно исцелившим боль в лодыжке, а также затянувшим рану, которую разверзло в ее душе одиночество. Она возвращалась в материнское лоно, убаюкиваемая безмолвием первородной жидкости, чтобы родиться заново, так же, как после долгой зимы рождаются растения. Богиня предлагала ей вторую попытку. И это уже была не она, а ламия вод, которой предстояло расчесывать свои волосы золотым гребнем в ожидании появления пастуха, которого она могла бы любить, пока он не увидел бы ее ступни и не сбежал от нее. Старцы селения рассказывали и о ламиях, загадочных девах с четырьмя пальцами на каждой ноге, соединенными перепонками, как у уток или гусей. Эта мысль заставила ее встрепетаться и, стряхнув дремоту, выбраться на скалу. Ее ступни не изменились, и она уже во второй раз услышала собственный смех, хотя, будучи погруженной в воды священной заводи, и в самом деле ощущала себя ламией. Вытянувшись на скале, она вдохнула аромат природы и позволила лучам солнца теплого осеннего дня ласкать свое тело. И вдруг какая-то тень заслонила от нее свет. В небе кругами летал орел, совсем близко, как будто намереваясь на нее напасть. Сделав еще два круга, он взмыл вверх, чтобы скрыться на неприступной скалистой стене, защищающей эту долину. Одновременно он издал крик, заставивший затихнуть гнездящихся в кронах деревьев птиц. Эндару охватило предчувствие того, что с этой гордой птицей она уже знакома и что им предстоит новая встреча.

На рассвете звук рожков разнесся по самым дальним уголкам Энды. Это не было ни призывом на совет племен, ни предостережением о том, что реки вышли из берегов, или об угрожающем посевам пожаре. Рожки звучали целые сутки, не умолкая даже ночью и держа в напряжении жителей обоих склонов Илене, Лунных гор, настолько высоких, что некоторые из самых высоких вершин во время непогоды скрывались за тучами, и деливших Землю Энды на две части. Вскоре стала известна и причина тревоги, извещавшей об очередном вторжении орд самых ужасных варваров, когда-либо нападавших на эти земли. Но в отличие от предыдущих вторжений, когда агрессоры лишь проходили через их территории в поисках других, более богатых стран, в этот раз все указывало на то, что они перешли Великую Северную Реку и Великую Южную Реку, и намерены остаться. Вестники помчались по долинам и равнинам, извещая вождей селений и повелителей главных городов, выступая перед советами старейшин и описывая все увиденное. Всем, кто желал их слушать, они рассказывали, что агрессоры — воины гигантского роста в железных доспехах, как и их лошади и выючные животные. Они также располагали невиданными боевыми машинами и ужасными животными, которым довольно было одного укуса, чтобы оторвать человеку голову. Они стирали с лица земли селения и уничтожали посева, убивали мужчин и мальчиков, а также женщин и девочек, которых сначала насиловали. Они грабили все, что встречалось им на пути. Там, где они проходили, воцарялась тишина.